

17 июня 1953 года.
Советские танки
входят в Берлин

Годовщина

На языке танков

Чуть более 50 лет назад июньский мятеж в Восточном Берлине предопределил судьбу ГДР, а мог стать и причиной новой войны в Европе. Публицист **Леонид Млечин** о том, как страхи власти окончательно раскололи послевоенную Германию.

Леонид Млечин

После 1945 года у немцев был выбор: в первые годы существования ГДР и ФРГ они могли перемещаться из одной части Германии в другую, из социализма в капитализм и обратно. В основном уезжали на Запад, но кто-то выбрал Восток. Может быть, Германии нужен социализм? Тогда многие отвечали на этот вопрос положительно.

Некоторое время Западная и Восточная Германия развивались параллельно, как близнецы, разлученные в детстве. Но где же разлука? Где один из близнецов, совершив ошибку, выбрал туниковый путь? В тот момент, когда восточногерманская компартия — СЕППГ — присвоила себе монополию на власть? Когда в Восточной Германии провели полную национализацию и принудительную коллективизацию? Но тогда еще не ясно было, к чему приведет такое переустройство экономики. Так когда же проявился характер нового режима? Эту дату можно назвать точно — 17 июня 1953 года.

Донесение полковника Фадейкина

В первых числах мая 1953 года член президиума ЦК КПСС разослал спецсообщение представителям МВД в ГДР, которым руководил полковник Иван Фадейкин. Он докладывал о серьезных проблемах в социалистической части Германии. Главная: восточные немцы бегут на Запад. За первые четыре месяца 1953 года из ГДР уехали 120 тыс. человек. Полковник считал, что массовое бегство объясняется не только воздействием «вражеской пропаганды». Проблема — в неправильной экономической политике, в сильнейшем кризисе молодежи и нехватке продовольствия и потребительских товаров.

Советское руководство потребовало от руководителей Восточной Германии сменить курс. Приостановить ускоренное строительство социализма. Развивать не только тяжелую промышленность, но и легкую. Прекратить яростную борьбу с церковью. Не давить на крестьян, ремесленников и среднее сословие.

По указанию Москвы вожди ГДР признали некоторые ошибки. Крестьян, которые, спасаясь от коллективизации, ушли на Запад, приглашали вернуться и получить назад свою собственность. Те, кого по политическим мотивам лишили продовольственных карточек, могли вновь их получить. Обещали снизить стоимость

проезда на трамвае, отменили повышение цен на джем, искусственный мед, кондитерские изделия. Школьники, исключенные из школы по причине чудящего социального происхождения, получали право вернуться за парты.

Но в мае 1953 года на пленуме ЦК партии, созванном по случаю 135-летия со дня рождения Карла Маркса, генеральный секретарь ЦК Вальтер Ульбрихт патетически призвал усилить борьбу против классового врага и предложил на 10% поднять нормы выработки. В результате зарплата рабочих упала. Это стало последней каплей.

Мятеж в столице

31 мая 1953 года рабочие завода «Саксенверк» в Нидер-Зейдлице устроили двухчасовую забастовку в знак протеста против увеличения норм выработки. Дирекция пошла на попятный. 3 июня забастовщики на заводе в Эйслебене близ Халле тоже принудили дирекцию отказаться от намерения увеличить нормы выработки на 12%. 10 июня 2 тыс. рабочих-металлистов на окраине Восточного Берлина организовали забастовку и добились отмены увеличенных норм выработки.

На заседании политбюро ЦК СЕППГ 9 июня приняли решение о «новом курсе». Но было поздно. Забастовку 2 тыс. рабочих-металлистов в Генингсдорфе на окраине Восточного Берлина. Руководство ГДР не знало, что делать. Против новой власти восстали рабочие, ее опора! Требования были чисто экономические. Но немедленного ответа восставшие не получили, и лозунги стали приобретать политический характер.

Берлинские рабочие обратились с возмущенным письмом к премьер-министру Отто Гротеволу. В ответ утром 16 июня к ним прислали воспитателей. Это взорвало рабочих. В Восточном Берлине началось восстание, которое быстро перекинулось и на другие города.

События в Берлине были большой неожиданностью и для американцев

Первыми восстали строители на аллее Сталина, которая должна была стать витриной социалистического Берлина и затмить Курфюрстендамм, главную торговую улицу в западной части города. 80 строителей бросили работу в знак протеста против пошитоных методов и сокращения заработной платы. Они направились к зданию правительства. По пути скандировали рифмованный призыв:

Друзья, в одну шеренгу с нами! Мы не желаем быть рабами. К строителям примкнули сотни рабочих и домохозяек. Трамваи останавливались. Водители, кондукторы и пассажиры вливались в ряды де-

монстрантов. С каждым кварталом колонна увеличивалась. Впереди шагали шестеро великанов — подносчики кирпича в кожаных фартуках. Колонна повернула к ремонтноукомплектованному зданию оперного театра. Бросили свою работу еще 500 строителей. Студенты из Университета Гумбольдта покинули аудитории, чтобы тоже принять участие в демонстрации.

Колонна победно миновала здание советского посольства на Унтерден-Линден и по Вильгельмштрассе направилась к зданию Совета министров. Численность колонны достигла 4–5 тыс. Охранявшие Совет министров часовые отступили во двор и закрыли железные ворота. Толпа кричала:

— Мы хотим видеть Гротеволу! Мы хотим видеть «козлиную бородку»!

«Козлиной бородкой» называли Вальтера Ульбрихта.

Ни премьер-министр народно-правительства Отто Гротеволь, ни генеральный секретарь рабоче-крестьянской партии Ульбрихт к рабочим не вышли. Вместо них появился министр сталелитейной промышленности Фриц Зельман, бывший шахтер. Он залез на стол, вынесший из здания. Но слушать его не стали. Министра стащил со стола голый по пояс рабочий. Вот он и произнес речь. За ним выступила молодая девушка, поводом домашняя хозяйка, жаловавшаяся на высокие цены.

Толпа двинулась дальше. К вечеру забастовка охватила весь Восточный Берлин. На следующий день превратилась в общенациональное восстание.

Демонстрации шли на улицах 200 городов и поселков Восточной Германии. Лозунги быстро приобрели политический характер. Жгли красные знамена, портреты Сталина и партийные газеты, открывали тюрьмы, освобождая заключенных. Полиция бесильно взирала на колонны демонстрантов, идущих под лозунгом «Мы хотим свободных выборов».

17 июня с утра забастовщики останавливали автомобили, в которых направлялись на работу чиновники, вытаскивали их из авто, срывали с них партийные значки, машины поджигали. Вальтер Ульбрихт пожаловался советским товарищам, что народная полиция политически неблагонадежна. Берлинцам казалось, что началась настоящая революция.

«Вы так войну начнете»

Аббревиатура ГДР по-немецки звучит как ДДР. Восточные немцы, освоившие некоторые русские слова, перенесли название своей республики так: «ДДР — это «Давай, давай, работай!» Многие были уверены, что русские все вывозят из страны, поэтому ГДР так плохо живет.

В Магдебурге восставшие вошли в здание Союза свободной немецкой молодежи, выбросили из окна портреты Сталина, Гротеволы и Ульбрихта. На вокзале сорвали вывеску «Международная проверка документов» и заявили, что тем, кто приезжает из западной части Германии, не нуж-

но предъявлять документы, Германия едина. Появился поезд с прицепленным к нему вагоном для заключенных. Тюремщиков разоружили. Просмотрев документы арестованных, демонстранты пришли к выводу, что все это политические узники, и всех выпустили, вручив каждому его тюремное дело.

Толпа двинулась к полицейскому управлению в центре Магдебурга. С крыши здания толпу обстреляли. Когда вокруг здания собрались уже почти 20 тыс. человек, появились десять советских танков и столько же бронетранспортеров. Они врезались в толпу, но разогнали ее не смогли.

Принято считать, что Запад приложил руку к организации восстания в Восточной Германии. Но события в Берлине были большой неожиданностью и для американцев.

Советские представители докладывали вечером 17 июня в Москву: «Американская радиостанция РИАС призывала мятежников подчиняться приказам советских властей и не втягиваться в конфликты с Советской армией».

Страны НАТО подчеркнуто держались в стороне. Западные берлинцы, возможно, видели в восстании шанс на объединение, но союзники запретили им вмешиваться в происходящее в Восточном Берлине и проводить манифестации солидарности рядом с межсекторальной границей.

Директор ЦРУ Аллен Даллес доложил президенту США Дуайту Эйзенхауэру:

— Мы не имеем к этому никакого отношения.

18 июня в Вашингтоне собрались Совет национальной безопасности. Теперь уже американцы осознали масштабы происходящего. Возник вопрос:

— Как далеко мы готовы зайти, если все там по-настоящему начнет трещать? Может быть, надо поддержать восставших оружием?

Но разговоры американских политиков о том, что нужно «освободить порабощенные народы из-под советского владычества», были всего лишь риторикой. Соединенные Штаты понимали: дать оружие берлинцам — спровоцировать бойню. Эйзенхауэр ответил:

— Если результатом таких поставок будет только большее кровопролитие, то нет.

Чрезвычайное положение

Запаниковавшие руководители ГДР попросили советских товарищей вывести их семьи в Москву. Верховный комиссар СССР Владимир Семенов вызвал всех к себе в берлинский пригород Карлсхорст в штаб советской военной администрации.

Владимир Семенов был подчеркнуто любезен, но в его словах слышалась ирония:

— Москва распорядилась ввести чрезвычайное положение. Так что этот гвалт быстро кончится.

Внутренним был марш 4 тыс. рабочих Генингсдорфского металлургического завода. 6 тыс. железно-

дорожников тоже пришли в центр. Восточные немцы требовали свободных выборов, единства Германии и вывода советских войск. И тогда появились советские танки.

«В ночь на 17 июня,— записал в дневнике Владимир Семенов,— я был разбужен грохотом втягивавшихся в город танковых частей. Кутурнаши войска заняли территорию города вплоть до Бранденбургских ворот. Пехота была подкреплена самоходными установками. Стволов орудий было больше, чем вершущих деревьев в лесу».

После 1953 года миграция происходила лишь в одном направлении — на Запад

Советское военное командование остановило движение городского транспорта и подземки, ввело чрезвычайное положение в столице ГДР. Солдаты действовали дисциплинированно, стреляли только в случаях необходимости.

Восточные немцы кричали солдатам «русские свиньи». Бросали камни в танки, закатывали бревна в гусеницы, засовывали кирпичи в дула орудий, срывали радиоантенны. Но когда заговорили танковые пулеметы — разбежались.

Владимир Семенов распорядился учредить военно-полевые суды, несколькими об этом оклеить столбы и афишные тумбы в городе. В два часа дня по радио выступил Отто Гротеволь. Он сказал, что мятеж подняли «фашисты и другие реакционные элементы из Западного Берлина».

«В моем огромном кабинете, где можно было в футбол играть,— записано в дневнике Семенов,— разместились главнокомандующий и представитель президиума ЦК маршал Соколовский. Телефон звонил не переставая. Несколько раз Хрущев, чаще Молотов и другие. Хрущев считал, что приближается «день X», когда Запад попытается прощупать штыком прочность советской власти после смерти Сталина... Поэтому Хрущев и президиум ЦК приняли решение силой подавить волнения. А в случае осложнения на границе с ФРГ перейти в контрнаступление до Па-де-Кале».

Советские руководители опасались, что Запад воспользуется мятежом и начнет войну. Семенов и маршал Соколовский успокоили Москву: улицы Берлина очищены от демонстрантов. Тем не менее военное положение, введенное по всей Восточной Германии, сохранялось 24 дня.

«Без нашего вранья этого бы не было»

Через три недели после берлинского восстания члены Политбюро на

ночном заседании пожелали услышать отчет от генерального секретаря. Только двое не потребовали от Ульбрихта уйти в отставку — секретарь ЦК по кадровым вопросам Герман Матерн и вождь комсомола Эрих Хонекер. Ульбрихт признал, что должен изменить свой стиль. И затаился. Ждал, что решит Москва: заставит его уйти или разрешит остаться. Казалось, его звезда закатилась. Но напуганные восстанием в Берлине, советские вожди предпочли оставить Восточную Германию в крепких руках Ульбрихта. Его жесткий и неуступчивый стиль произвел впечатление на советских руководителей. Не стали затевать больших перемен в стране, которая едва не перестала существовать.

Вальтер Ульбрихт знал, как близок он был к концу своей карьеры, поэтому для него было счастьем приглашение в Москву 20 августа 1953 года. Руководители ГДР вернулись домой с мешком подарков. Прекращались репарации. Восточной Германии прощались все долги. Сокращались расходы ГДР на содержание советских оккупационных войск. 33 совместных предприятия передавались ГДР. Восточная Германия получила большой кредит и дополнительные поставки продовольствия.

Начальнику внешней разведки Маркусу Вольфу поручили представить доказательства участия Запада в этих волнениях. Как он сам писал, «мне стало ясно, что разговоры нашего руководства о «фашистской авантюре» и о «контрреволюционном путче» были чистой воды отговорками». Тем не менее осенью 1953 года провели ряд процессов против мнимых «западных агентов», устроивших мятеж...

До июньского восстания немцам не так легко было выбрать между ГДР и ФРГ. Танки, разогнавшие рабочих летом 1953-го, помогли восточным немцам сделать выбор. Характер режима, подавившего силой выступления народа, стал ясен.

После 1953 года миграция происходит только в одном направлении — на Запад. Власти ГДР пытались остановить беглецов. До возведения Берлинской стены 13 августа 1961 года Восточная Германия потеряла 3 млн граждан. Партийные власти рисковали остаться в одиночестве. Берлинская стена остановила массовое бегство. Попытка преодолеть стену многим стоила жизни. Покинуть ГДР можно было только одним путем: если попадешь в список тех, кого генеральный секретарь ЦК СЕППГ продавал Западной Германии за полновесные западные марки.

Советской системе ГДР считалась передовой. Но по сравнению с ФРГ у нее не было преимуществ. Экономика ГДР оказалась неэффективной и неконкурентоспособной, ее провал не компенсировали даже замечательные качества немецких рабочих. Социализм построили только в отдельно взятом дачном поселке Вандлиц, где находились виллы партийной элиты.